

Е.Л. Доценко (Киев)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНТЕНЦИИ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ

Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы: Материалы Междунар. научн.-метод. конф. В. 2 ч. Ч. 1. Москва, 5-7 апреля, 2006. – М.: ГОУВПО «МГУС», 2006. – С. 98 – 104.

Переход лингвистики от формального анализа языковых единиц к исследованию особенностей их реализации в речи ознаменовал развитие новой отрасли языкознания – коммуникативной лингвистики. Это позволило рассматривать единицы языка (предложение, текст, дискурс) как «действие, акт говорящего (или пишущего). В этом акте воплощаются определенные коммуникативные интенции, эксплицируются отдельные моменты коммуникативного замысла, позволяющие – на основе определенных конвенций социального и вербального взаимодействия – адресату понимать невербализованное, несказанное. Коммуникативные акты оказались в представлении ряда других ученых главным объектом коммуникативной лингвистики»¹ [13, 34].

Среди характеристик коммуникативного акта наибольший интерес вызывают интенции, или коммуникативные намерения (цели, стратегии), потому что, во-первых, «понятие интенциональности до сих пор не было по-настоящему освоено лингвистами. Оно не получило общепринятого лингвистического содержания, соотносимого с его широким философским пониманием»² [7], а во-вторых, во многих сферах общения именно определение интенциональных характеристик высказывания собеседника позволяет правильно определить качество репродуцируемой информации, построить эффективное общение. В первую очередь это касается различных жанров юридического общения (судебный диалог, диалог следователя и подозреваемого, свидетеля в ходе досудебного расследования, выступления участников судебных прений и т.д.). Проблема интенциональных высказываний в юридическом общении чрезвычайно широка и требует глубокого специального исследования. В статье мы коснемся лишь наиболее общих вопросов: определения субкатегориальных характеристик интенциональности, средств ее языкового выражения в речи адвоката как жанре судебного дискурса.

Зачастую исследование категорий, недавно ставших объектом пристального внимания ученых, начинается с определения термина, наиболее адекватно называющего то или иное понятие. Не является исключением и категория, изучаемая нами. Перечень вариантов не так велик: коммуникативная интенция, коммуникативная цель, коммуникативное намерение, коммуникативная стратегия. Наиболее часто употребляется термин коммуникативная интенция³ [11; 7; 5], что обусловлено, с одной

¹ Сусов И.П. Два пути развития коммуникативной лингвистики // Общие проблемы функционально-коммуникативной лингвистики. – Минск, 1992. – Т. 1. – С. 32 – 34.

² Кобозева И.М. Распознавание интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Диалог: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Эл. ресурс: <<http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Kobozeva.htm>>.

³ Серль Дж.Р. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170 – 195. Кобозева И.М. Распознавание интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Диалог: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Эл. ресурс: <<http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Kobozeva.htm>>. Дьячкова И.Г. Способы выражения интенционального смысла высказывания в речевых жанрах похвала и порицание. – Эл. ресурс: <http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/dyachkova.html>.

стороны, тенденцией к развитию системы лингвистических интернационализмов, а с другой – этимологией слова: лат. *intentio* – устремление, желание. Ряд лингвистов последовательно употребляет как параллельные термины «коммуникативная интенция» и «коммуникативное намерение»¹ [2; 3]. В некоторых трудах к вышеуказанным присоединяют и термин коммуникативная цель² [6], хотя здесь же есть указание на различие в интерпретации таких терминов: «Наряду с распространенной точкой зрения, отождествляющей коммуникативную цель и коммуникативное намерение / интенцию (Я. Хоффманова и др.) встречается и другая, отделяющая цели от намерений и интенций, хотя бы в повседневной речевой практике: «в повседневном речевом общении коммуникативная цель не всегда соответствует коммуникативному намерению» (Т. Абрамова)»³ [6, 254]. Таким образом, анализ работ, посвященных теории коммуникации, в частности теории речевых актов, позволяет определить термин «коммуникативная интенция» как наиболее употребляемый для обозначения коммуникативного намерения адресанта (осмысленного или интуитивного), который определяет внутреннюю программу речи и способ ее воплощения⁴ [1, 326].

В современной лингвистике активно исследуются и категории, так или иначе связанные с коммуникативной интенцией. Это в частности «коммуникативная стратегия» как «эвристическое интенциональное планирование дискурса для достижения его участниками кооперативного результата»⁵ [10, 170]. Е.А. Селиванова дифференцирует понятия «установка», «мотив», «интенция», что позволяет еще более точно определить исследуемое понятие: «если мотив – это психологический образ, гештальт будущего текста, а установка – это предосознанная готовность, предвосхищение коммуникативной деятельности, детерминированное такими факторами, как ситуация, адресат и т.д., и детерминирующая речевое действие, манеру поведения, то интенция – это превербальное осознанное когнитивное намерение речи, влияющее на пропозициональный компонент внутренней программы речи, избрание стиля, способа осуществления программы, общего плана текста»⁶ [10, 77 – 78]. Исходя из этого, можно согласиться с определением структуры интенции И.С. Шевченко: 1) формирующееся на основе того или иного мотива осознанное намерение, желание добиться определенного неречевого эффекта; 2) необходимость произвести определенные речевые действия для достижения намеченной цели; 3) конкретную мотивировку речевого действия как непосредственный «толчок», побуждение к совершению интендируемого речевого акта⁷ [15, 12].

Не менее актуальной, чем определение термина и его дефиниции, является проблема дифференциации субкатегориальных значений коммуникативной интенции.

---

¹ Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. – М.: Рус. яз., 1995. – 175 с. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М.: КомКнига, 2005. – 176 с.

² Иванов Л.Ю. Коммуникативная цель // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 254 – 256

³ Абрамова Т.Г. Национальная специфика культуры речевого общения в косвенных речевых актах // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 2: Язык и социальная среда. – Воронеж.: Изд-во ВГТУ, 2000.

⁴ Бацевич Ф.С. Основы комунікативної лінгвістики. – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с

⁵ Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К.: ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.

⁶ Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К.: ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.

⁷ Шевченко И.С. Об историческом развитии когнитивного и прагматического аспектов дискурса // Вісник Харківського національного університету. – 2000. – № 471

Среди них сложно выбрать наиболее точную, однако, если критериями для такого определения взять универсальность и наибольшую степень обобщения, то следует остановиться на концепции речевых жанров Т.Б. Шмелевой, которая выделила четыре их типа: 1) императивные; 2) информативные; 3) оценочные; 4) этикетные¹ [16]. Некоторым образом эта классификация созвучна классификации иллокутивных актов Дж.Р. Серля, который выделяет ассертив («мы сообщаем другим, каково положение вещей»² [11, 194]), директив («мы пытаемся заставить других совершить нечто»³ [11, 194]), комиссив («мы берем на себя обязательство совершить нечто» [11, 194]), экспрессив («мы выражаем свои чувства и отношения» [11, 194]), декларатив («мы с помощью высказываний вносим изменения в существующий мир» [11, 194]). Такая классификация абсолютно приемлема, особенно если учесть характер соотношения интенции и иллокуции, или иллокутивного акта. Если коммуникативная интенция – это намерение говорящего, толкающее его в процесс общения, то иллокуция является эксплицитным или имплицитным выражением такого намерения. Такое соотношение позволило И.П. Сусову отождествить эти понятия: «Вершину иерархии образует коммуникативно-прагматическая структура, ей непосредственно подчинена семантическая структура. Одним из главных компонентов коммуникативно-прагматической структуры является интенциональный (иллокутивный) компонент»⁴ [14, 8]. Ученый выделил такие типы коммуникативных актов по иллокутивной силе: 1) акт констатации (или утверждения) некоего существующего положения дел (**констатив, ассертив**): *Идёт дождь; Студенты нашего факультета хорошо знают транскрипцию МФА*; 2) акт побуждения собеседника к совершению некоего действия (**директив**): *Я требую, чтобы Вы покинули помещение; Вы должны незамедлительно покинуть помещение; Всем оставаться на местах*; 3) акт запроса у собеседника недостающей информации (**интеррогатив, квестив, эротетив**): *Когда состоится очередное заседание кафедры? Кто в группе сдал экзамен по введению в языкознание на отлично? Ты придёшь? Я хочу знать, можно ли считать этот язык агглютинативным*; 4) акт обещания (**комиссив**): *Обещаю вернуть книгу в срок; Клянусь не забыть об этом; Я приду к тебе завтра*; 5) акт выражения своего отношения к собеседнику и регулирования взаимоотношений с ним (**экспрессив**): *Прошу извинения за то, что невзначай тебя обидел; Прими мои соболезнования; Поздравляю тебя с успешной сдачей экзамена*; 6) акт объявления изменений в статусе собеседника или другого участника данной предметной ситуации по воле обладающего соответствующими правами говорящего (**декларатив**): *Назначаю Вас своим заместителем; Объявляю вас мужем и женой»*⁵ [12].

Каждый из определенных выше типов коммуникативной интенции может иметь множество подтипов, определяемых совокупностью факторов, наиболее важные из которых описал Ф.С. Бацевич: 1) мотивация как система мотивов с доминирующим мотивом; 2) обстоятельства, условия общения, окружение и т.д.; 3) возможный опыт, связанный с моделью будущего, возможностью прогнозирования; 4) задания (цель

¹ Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88 – 98

² Серль Дж.Р. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170 – 195

³ Серль Дж.Р. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170 – 195

⁴ Сусов И.П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы: Межвузовский сборник научных трудов. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1986. – С. 7 – 11

⁵ Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. – Эл. ресурс: <http://homepages.tversu.ru/~ips/1_04.html>

выполнения действий), то есть соотношение модели будущего с наиболее близким и перспективным (поточным) действием¹ [1, 116].

Особенно важно учитывать специфику реализации различных уровней коммуникативных интенций в тех типах дискурса, которые предполагают категорическую однозначность трактовки смысла всеми участниками коммуникативной ситуации. В первую очередь речь идет о юридическом дискурсе, в том числе – о судебном, который принадлежит к тем сферам общения, которые характеризуются частым использованием манипулятивных приемов. Его участники постоянно либо являются объектом манипуляций и должны уметь противостоять им, либо сами, используя корректные и некорректные средства, воздействуют на адресата речи. Следует также учитывать, что на особенности выбора и реализации одного из субкатегориальных типов интенции влияет тип речи, доминирующий на разных этапах судебного процесса: диалог (в ходе судебного следствия) и монолог (выступления участников процесса в ходе судебных прений и вынесение приговора).

Обратимся к одному из видов второго типа речи и проанализируем особенности экспликации различных видов коммуникативной интенции на примере судебного выступления одного из известных русских юристов С.А. Андреевского.

Доминирует в судебном дискурсе информативный тип коммуникативной интенции (по Дж. Серлю – ассертив, по И.П. Сусову – констатив, ассертив), поскольку «каждая из сторон, преследуя в споре о праве противоположный интерес, стремится объяснить свое поведение с человеческой, жизненной точки зрения и с этих позиций создает и поддерживает тот или иной словесный образ ситуации, подлежащий юридической квалификации»² [4, 95].

Целью каждого выступающего является убедить суд и присяжных в истинности своей правовой позиции, для этого используются языковые средства, с одной стороны, эксплицирующие уверенность говорящего в содержании выступления, а с другой – являющиеся средствами сгестивного влияния на адресата речи. Так, в выступлении С.А. Андреевского по делу Мироновича³ используются такие основные типы ассертивов: констатация, утверждение, отрицание.

Констатация, которая реализует такие типы намерения: «информировать слушателей», «привлечь внимание к информации». В высказываниях такого типа часто эксплицируются ассертивные маркеры соответствующей семантики: *Известно, что Семенова прибыла с вещами, добытыми немедленно после убийства, в Финляндскую гостиницу около двенадцати часов ночи, и ровно в двенадцать, когда запырался буфет (значит, этот час верный), уже сбегала с лестницы вместе с Безаком, чтобы уехать в другую гостиницу* (Андреевский, 121); *Нужно заметить, что все мы находимся теперь в несравненно лучших условиях, чем при первом слушании дела* (Андреевский, 119).

Утверждения, напр.: *Да, Семенова рассказывает, что она одна убила Сарру Беккер* (Андреевский, 140).

Как средство категорического утверждения, являющееся одновременно и средством корректного сгестивного воздействия на суд и присяжных С.А. Андреевский использует для привлечения внимания, убедительности речи, эмоционального воздействия на слушателей риторические вопросы и риторические восклицания. Это обусловлено: 1) ситуацией общения: возможностью воздействовать

¹ Бацевич Ф.С. Основы комунікативної лінгвістики. – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с

² Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: Норма, 2004. – 160 с

³ Андреевский С.А. Дело Мироновича // Речи известных русских юристов: Сборник. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 116 – 153.

не столько на профессиональных юристов, сколько на присяжных, более подверженных суггестивному влиянию; 2) ораторскими навыками выступающего. Характерно, что в анализируемой речи С.А. Андреевского количество таких фигур увеличивается к концу текста, сигнализируя также об изменении эмоционального состояния оратора.

Использование риторических вопросов – одно из наиболее излюбленных средств эмоционального воздействия на слушателей с целью убеждения их в истинности произносимого и выражения собственной эмоционально-экспрессивной оценки содержания речи. Так, А.С. Андреевский часто использует риторические вопросы с эмоциональной тональностью *негодование*, подчеркнутой контекстом (здесь речь идет о неправильных действиях представителей предварительного следствия и осуждении невинного человека): *Врачи защищаются: они писали не навыворот, они держались первого мнения, они не пропускали частицы «не», они исключают попытку изнасилования. И с таким-то висящим в воздухе, не оставляющем следов посягательства на целомудрие, Мироновичу приписывается один из самых мерзостных поступков, и этот воображаемый поступок выставляется мотивом убийства, за которое прямо предают суду?* (Андреевский, 124); *А сын его Золотов, спящий тут же, всей этой сцены не слышит. Этот Константинов такой же «свой человек» у Мироновича, как и прочие дворники. Неужели его одного нельзя было уломать на ложное показание? Неужели бы его не поддержал сын? Не ясно ли здесь простое, обыденное недоразумение, ошибка?* (Андреевский, 131). Справедливо также утверждение авторов «Культуры русской речи», что «особенно эффективен и эффектен «каскад» повторяющихся риторических вопросов, совмещенных с риторическим восклицанием и обрамленных другими стилистическими фигурами»¹ [8, 595], напр.: *Ведь если бы он убил, он знал бы, что касса была всю ночь отпертой, что она и теперь открыта, что, может быть, из нее уже все растаскано и он теперь нищий, что там следы его ужасного дела. Его должно было мучить: знают ли уже? Пришел ли кто-нибудь? Его бы против воли туда потянуло. Где же тут до Порховникова? Откуда бы взялась прежняя энергия преследовать должников? Не ясно ли, что этот человек продолжает свою нормальную жизнь, что ему в эти минуты никакая беда еще не снилась... А разгадчики дела на все это даже не обращают внимания! Я утверждаю, что вы нигде не найдете убийцу, который бы так неподражаемо разыграл невинность в это утро, именно этими поисками Порховникова, как разыграл ее Миронович, а не найдете потому, что так именно мог поступить только действительно невинный* (Андреевский, 135).

Типичным для выражения ассертивного типа коммуникативной интенции является также использование риторических вопросно-ответных конструкций: 1) оратор формулирует вопрос и сам на него дает ответ (антиципационный вопрос² [9, 22]): *Были ли указания на неизвестного? Да, были* (Андреевский, 137); 2) оратор обращается с вопросом к участникам судебных прений и, не дожидаясь ответа, формулирует его сам: *И вот вы, судьи, ваша роль, конечно, ответственнее, чем роль наемницы, которая должна разучить дело для принятия на себя убийства, помните ли вы, например, этот осмотр кухни настолько, чтобы ответить на вопрос: чем пахло в кухне? Конечно, нет* (Андреевский, 146).

Как средство выражения ассертивного типа коммуникативной интенции часто используются риторическое восклицание: *И в обычной жизни, когда собираешься в*

¹ Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. –

² Куньч Зоряна. Риторичний словник. – К.: Рідна мова, 1997. – 341 с

дорогу, не всегда вспомнишь, куда что отбросишь, а здесь ведь побег с места убийства! (Андреевский, 145).

Типичным для судебного дискурса средством экспликации утверждения истинности фактов является использование юридических терминов соответствующей семантики: *Тогда выступает новое обстоятельство, которое еще громче и решительнее говорит за Мироновича, а именно – на третий день следствия обнаруживается его алиби: дворники Кириллов и Захаров, няня Наталья Ивановна, девочка Маша и сожительница Мироновича Федорова в согласных и правдивых показаниях удостоверяют, что Миронович в вечер и в часы убийства был далек не только от места преступления, но и от мысли о преступлении* (Андреевский, 129 – 130).

Отрицания, возражения, маркером которых наиболее часто является частица «нет»: *Нет, так рассуждать невозможно* (Андреевский, 126); *Нет никакой внутренней силы, нет истины в этом обвинении!* (Андреевский, 136); *В этом важном и запутанном процессе мы вовсе не желали бы уйти в благоприятные для нас потемки, чтобы в них найти выигрыш дела. Нет! Мы желали бы предложить вам честное пособие нашего опыта, дать вам в руки ясный светильник. в котором бы вы. вместе с нами, обошли все дебри следственного производства и вышли бы из него путем правды* (Андреевский, 119).

Значительно реже, чем ассертивы, в тексте выступления реализуются директивы как тип коммуникативной интенции. Обусловлено это особенностями жанра, целью которого является доказывание истинности позиций участников судебного процесса, в отличие от жанра приговора, выполняющего императивную функцию. В выступлениях участников судебных прений реализуются наименее категоричные формы директивов, используемые преимущественно для концентрации внимания слушателей, вовлечения их в процесс познания, напр.: *Поэтому, я надеюсь, вы будете к нам внимательны* (Андреевский, 119); *Мы должны эти воздействия разобрать* (Андреевский, 120); *Прошу помнить и то, что, по этим выводам, Семенова пробыла в вечер убийства возле кассы более часа* (Андреевский, 123).

Практически не используются в судебных выступлениях во время прений комиссивы и экспрессивы. Единичные примеры их употребления свидетельствует больше об особенностях индивидуально стиля речи оратора, нежели о типичности их использования в судебном дискурсе. Так, С.А. Андреевский в выступлении по делу Мироновича употребил следующие экспрессивы: *Не дай вам бог, чтобы когда-нибудь, если вас привлекут безвинно, к вам самим применили этот способ* (Андреевский, 130); *Заканчивая защиту, – что бы нас ни ожидало, – мы должны заявить горячую благодарность тем ученым, литераторам и представителям высшего суда, которые содействовали разъяснению истины в этом процессе* (Андреевский, 153). Характерно, что оба примера употреблены в середине и в конце текста выступления, являющимися более эмоционально насыщенными, чем его начало.

Комиссив используется в последнем абзаце выступления и имеет значение «ручаться»: *И верьте, господа, что даже те, в ком есть остаток предубеждения против Мироновича, и те встретят оправдание его с хорошим чувством* (Андреевский, 153).

Таким образом, даже поверхностный анализ, не отражающий особенностей стратификации различных типов намерений в семантико-прагматической структуре высказывания, позволяет сделать вывод о том, что в выступлениях участников судебных прений как жанре судебного дискурса, наиболее часто реализуются ассертивы как вид коммуникативных интенций. Это обусловлено стратегией

анализируемых текстов: сформулировать тезис речи и в наиболее убедительной форме представить аргументы, подтверждающие его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф.С. Основы комунікативної лінгвістики. – К.: Видавничий центр “Академія”, 2004. – 344 с.
2. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. – М.: Рус. яз., 1995. – 175 с.
3. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М.: КомКнига, 2005. – 176 с.
4. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: Норма, 2004. – 160 с.
5. Дьячкова И.Г. Способы выражения интенционального смысла высказывания в речевых жанрах *похвала* и *порицание*. – Эл. ресурс: <http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/dyachkova.html>.
6. Иванов Л.Ю. Коммуникативная цель // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 254 – 256.
7. Кобозева И.М. Распознавание интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Диалог: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Эл. ресурс: <<http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Kobozeva.htm>>.
8. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – .
9. Куньч Зоряна. Риторичний словник. – К.: Рідна мова, 1997. – 341 с.
10. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К.: ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.
11. Серль Дж.Р. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170 – 195.
12. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. – Эл. ресурс: <http://homepages.tversu.ru/~ips/1_04.html>.
13. Сусов И.П. Два пути развития коммуникативной лингвистики // Общие проблемы функционально-коммуникативной лингвистики. – Минск, 1992. – Т. 1. – С. 32 – 34.
14. Сусов И.П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы: Межвузовский сборник научных трудов. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1986. – С. 7 – 11.
15. Шевченко И.С. Об историческом развитии когнитивного и прагматического аспектов дискурса // Вісник Харківського національного університету. – 2000. – № 471.
16. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88 – 98.